

Автор книги бесспорно прав, подчеркивая пионерский характер своей работы. Прав он и в том отношении, что связывает свой замысел непосредственно с творческими планами выдающегося советского историка Б. Д. Грекова (стр. 14). Большой сводной работы по истории внешней политики Древней Руси действительно (исключая беглый обзор И. М. Шекеры) до сих пор не было, хотя разработки отдельных вопросов этой обширнейшей темы как в нашей старой и новой, так и в зарубежной, в том числе и марксистской, историографии предпринимались довольно часто. Делались и отдельные попытки создания работ обобщающего характера в пределах ограниченных географических регионов и относительно коротких хронологических рамок. В. Т. Пашуто прекрасно владеет практически всей связанной с его темой литературой. Об этом свидетельствуют не только его предисловие к книге (стр. 5—14), не только огромный хорошо систематизированный научный аппарат, сведенный в отдельные приложения, но и текст работы, написанный с учетом существующих в науке дискуссий по тем или иным спорным вопросам исследования. Будучи, таким образом, сводной работой, книга В. Т. Пашуто содержит и большое количество новых наблюдений, выводов, а иногда и постулатов, причем не только по основным, решающим для темы направлениям исследований, но и по очень большому числу мелких, частных, подчас даже второстепенных элементов проблематики. Это, разумеется, усиливает интерес к книге, хотя и существенно осложняет ее использование как сводки фактического материала.

Возвращаясь мыслью к планам Б. Д. Грекова о создании крупной работы по истории внешней политики Древней Руси (Б. Д. Греков, как известно, успел дать только самый общий абрис этой темы), В. Т. Пашуто как бы подчеркивает связь своей книги с советской исторической традицией. Но связь эта сказалась не только в выборе им темы исследования.

Нужно сказать, что в своем подходе к проблематике древнерусской внешней политики автор в главных вопросах действительно выступает в качестве историка-традиционалиста.

Традиционализм автора особенно отчетливо сказался на структуре книги. Внешняя политика Руси как в раннефеодальный период, так и в период феодальной раздробленности изучается В. Т. Пашуто в плане раскрытия двусторонних русско-скандинавских, русско-польских и других контактов. Изложение ведется автором как бы против часовой стрелки с севера на запад, а затем на юг и восток двумя концентрическими кругами. Сначала рассматриваются отношения с ближайшими соседями (Северная Европа, Польша, Венгрия, Чехия, Византия, Болгария и далее на восток), затем с государствами, более отдаленными и не имеющими общих границ с Русью (Германия, страны Западной Европы, арабские страны Передней Азии и Африки). Естественное для историографии 30—40-х и начала 50-х годов стремление к изучению прежде всего двусторонних отношений не кажется таковым в конце 60-х годов, когда исследование внешней политики Руси достигли достаточно широкого размаха и сделаны более или менее удачные попытки изучить отдельные этапы или отдельные явления внешнеполитического развития восточного славянства в сложной уже тогда системе международных отношений Европы и Азии. Большая перспективность комплексного в связи с главными узлами международных противоречий изучения вопросов внешней политики сейчас представляется настолько бесспорной, что сразу же возникает вопрос, почему автор отказался от такой методики.

На первый взгляд может показаться даже, что В. Т. Пашуто отказывается от такой методики исследования по вполне принципиальным мотивам: источники не дают возможности вскрыть и проанализировать действительную связь событий в ту отдаленную эпоху. Он даже пишет во введении к работе: «Я не задаюсь безнадежной целью определить степень полноты и достоверности наших летописей о внешнеполитических связях Руси» (стр. 9). В действительности, однако, оказывается, что это высказывание автора не более чем риторический пассаж. Автор не только не делает из него логичного, казалось бы, вывода, что его труд, в центре которого стоит именно анализ летописных известий, в таком случае не может быть назван работой о внешней политике Руси, но и всем ходом своего исследования энергично его оспаривает. Страница за страницей в книге именно определяется достоверность или неточность летописных данных; полнота и объективность их оцениваются в результате тщательного сопоставления с источниками иностранного происхождения. Автора нельзя упрекнуть при этом в недооценке летописного материала. Скорее наоборот, — встречаются случаи, когда он явно отдает предпочтение летописным известиям перед показаниями писателей-современников (например, Титмара Мерзебургского). Обширная и, как правило, хорошо продуманная система гипотез часто помогает автору дополнить свидетельства летописи, восстановить возможный ход событий.

В том, что отказ от комплексного изучения явлений внешней политики не был актом принципиальным, безусловным скепсисом в оценке источников, убеждают, пожалуй, и изложение событий в отдельных параграфах (связанных между собой системой отсылок; читателю приходится здесь на помощь и указатели к книге), и наличие повторов, нужных для понимания мысли автора, и наконец прямой переход к проблемно-ком-

плексному изложению материала во втором разделе второй части книги (вторая половина XIII в.).

Вместе с тем принятая автором система изложения материала на основе описания двусторонних контактов очень осложняет чтение книги, мешает иногда понять мысль автора, заставляет по частям восстанавливать ту картину сложных политических связей, которую автор несомненно должен был бы иметь перед глазами. К стати, и самому автору далеко не всегда удается при таких условиях выделить главные направления внешней политики Древней Руси, оценить степень важности для нее отношений с той или иной европейской или неевропейской страной. В этом отношении безусловно выигрывает последний раздел книги «Внешняя политика Руси с начала до середины XIII в.», построенный, как уже отмечалось, по проблемному принципу.

Думается, что именно традиционность изучения и изложения материала по линии двусторонних контактов и привела к тому, что книга В. Т. Пашуто воспринимается не как исследование внешней политики Древней Руси, а скорее как подробный обзор ее внешних сношений. Правда, его обзор — во многом исследовательский, содержащий массу новых наблюдений¹, обзор, который можно было бы назвать даже исчерпывающим (отдельного параграфа в работе нет, пожалуй, только для отношений Руси с папской курией, хотя со времен Григория VII во всяком случае можно было бы говорить о самостоятельной государственной политике Рима), без тщательного изучения которого не сможет в дальнейшем обойтись ни один исследователь Древней Руси и ее внешнеполитического развития, как не смогут обойтись без него и историки сопредельных с Русью стран, в том числе и Византии X—XIII вв.

Традиционализм В. Т. Пашуто как ученого проявляется и в таком коренном вопросе исследования, как периодизация изучаемого процесса. Доводя изложение истории внешней политики Древней Руси до трагических событий татаро-монгольского нашествия, автор в согласии с давно фигурирующей в нашей литературе точкой зрения на периодизацию истории СССР феодальной эпохи разделяет исследуемый им процесс внешнеполитического развития Руси на два периода:

1. Внешняя политика Руси в раннефеодальный период (X—конец XI в.).

2. Внешняя политика Руси в период феодальной раздробленности (конец XI—середина XIII в.).

Этой периодизации подчинена структура книги, соответственно разделяющейся на две большие части.

Не говоря о том, что раннефеодальный период не открывается X в., не говоря даже о спорности и неубедительности принимаемой автором конечной грани (конец XI в.) для раннефеодального периода, на что уже указывалось в литературе вопроса², такая структура работы представляется малоудачной.

Несомненно, специфика внешнеполитического развития Древней Руси была бы представлена значительно более ярко, роль внешнего фактора в общем историческом развитии Руси была бы понята и подчеркнута более выпукло, если бы в первой части исследования автором были сделаны дополнительные хронологические членения, во всяком случае был бы четко ограничен период государственного единства от предшествовавшего ему периода существования отдельных очагов консолидации раннефеодальной государственности, которые В. Т. Пашуто, на наш взгляд, не вполне удачно именуется конфедерациями восточнославянских земель (употребление этого термина во всяком случае нужно было мотивировать).

Принятая автором периодизация, и, соответственно, структура книги, оказалась совершенно неприемлемой для характеристики внешней политики Руси второй половины XI в. Вопреки фактическому материалу, свидетельствующему о том, что в силу феодального дробления Древняя Русь уже не могла проводить единую государственную политику, что внешнеполитическая активность русских князей оказывалась подчиненной их взаимоотношениям между собой, вся вторая половина XI в. рассматривается в книге как естественное продолжение эпохи Владимира Святославича и Ярослава Владимировича в рамках одного исторического (раннефеодального) периода. Тем самым смазывается огромное переломное значение второй половины XI в. для внешнеполитического развития Древней Руси.

Без внутреннего хронологического членения, отражающего развитие центробежных и центростремительных тенденций в обществе, дана и характеристика внешней политики Руси эпохи феодальной раздробленности. Автор только один раз отступил здесь от принятой им системы изложения, причем отступил с очень большим эффектом для исследования, выделив в особый раздел проблематику первой половины XIII в.

Собственно русско-византийским отношениям в книге В. Т. Пашуто отведены три параграфа (стр. 57—88, 186—201, 264—271). Однако большой материал, так или

¹ К сожалению, в одной рецензии нет никакой возможности ни охарактеризовать тот большой и ценный материал, новые наблюдения, которые содержатся в книге, ни коснуться многих спорных вопросов исследования, а также мелких фактических погрешностей текста.

² В. Д. Корольков. Западные славяне и Киевская Русь. М., 1969 (см. вводную главу); его же. Основні етапи розвитку ранньофеодальної державності у східних і західних слов'ян. — «Український історичний журнал», 1969, № 12, стр. 40—49.

иначе относящийся к этой тематике, имеется и в других параграфах, посвященных отношениям Руси с Болгарией, Венгрией, Германией, Хазарией, кочевниками Причерноморья, странами Закавказья и Азии.

Недостатки конструкции и в этом случае затрудняют пользование книгой. Вместе с тем они помешали автору четко определить место Византии в системе древнерусских внешнеполитических связей на разных этапах развития Древнерусского государства, сопоставить и оценить характер внешнеполитических программ обеих сторон.

Особенно подробно охарактеризованы в книге русско-византийские отношения X—XI вв. Автор стремится подчеркнуть важность этих отношений не только для внешнеполитического, но и для внутреннего развития Руси, ее культуры, хотя и касается этих сюжетов главным образом мимоходом. Менее детально рассмотрены автором контакты Руси с Византией в XII и XIII вв. Известные возражения вызывают некоторые общие положения, высказанные автором в его очень интересных в целом очерках русско-византийских отношений раннефеодального периода. Так, подчеркивая переломный характер IX в. в развитии русско-византийских отношений, В. Т. Пашуто заявляет: «Понятно, что Византия противодействовала его (Древнерусского государства. — В. К.) возникновению» (стр. 57). Но ведь такой тезис не только трудно доказать, но и понять. Не вполне убедительно изложены и обстоятельства поездки Ольги в Константинополь и ее крещения (стр. 66). Едва ли есть основания сомневаться в том, что Византия была заинтересована в христианизации Руси, даже если ей при этом и приходилось опасаться «вхождения Руси в ранг великих христианских держав». А слова летописи, что император «нарек (Ольгу. — В. К.) дщерью себе», скорее свидетельствуют о признании определенных государственно-правовых норм в отношениях между русским княжеским двором и претендовавшим на вселенскую власть царьградским императором³, чем говорят о противодействии Византии принятию христианства Русью. Кажется неподходящим и термин «суверенное христианство», применяемый в этой связи автором. Кстати сказать, даже если понимать под этим термином автокефалию, то никакого «суверенного христианства» Русь не могла получить не только при Ольге, но и в 988 г.⁴ Киевский митрополит был подчинен константинопольскому патриархату и выступал на Руси в качестве дипломатического представителя византийского императорского двора, чего, кстати, не отрицает и автор (стр. 76).

Если предложение В. Т. Пашуто рассматривать варяго-русскую дружину на службе Византии в качестве формы участия Руси в общеевропейском христианском движении (стр. 78) и не кажется убедительным, то зато интересно написаны страницы, посвященные русско-византийскому конфликту 1043 г., подчеркнута его связь с самостоятельным поставлением митрополита Иллариона в Киеве в 1051 г. князем Ярославом. Это особенно важно потому, что именно на эти годы падает кульминация в русско-византийских отношениях XI в., оценка которой недавно, как нам кажется, недостаточно аргументированно пересматривалась в литературе⁵.

В связи с этим разделом работы В. Т. Пашуто нам хотелось бы сделать только одно замечание. В. Т. Пашуто исходит из предположения, что вплоть до конфликта 1043 г. русско-византийские торгово-дипломатические отношения «были нормальными» (стр. 78). Но так ли было на самом деле? Прямых указаний источников, противоречащих этому утверждению автора, как будто бы на самом деле нет. И тем не менее в наших источниках есть все же одна деталь, которая заставляет задуматься над поставленным выше вопросом.

Вернемся к событиям 1018 г. на Руси. В Киеве находятся Болеслав Храбрый и Святополк. Ярослав вынужден бежать в Новгород. Из Киева Болеслав направляет специальное посольство к Василию II Болгаробойце. На связь этого события с развитием германо-византийских отношений и стремлением Болеслава усилить позиции Святополка в Киеве указывалось уже в литературе⁶. Анализ источников свидетельствует, что, посадив Святополка в Киеве, Болеслав отнюдь не стремился к тому, чтобы сделать его «самовластцем» Русской земли. Его интересам более отвечала перспектива политического раздробления Древнерусского государства. Поэтому он и не добивался изгнания Ярослава из Новгорода, а предпочел вступить с ним в переговоры⁷. И тут нельзя не обратить внимание на то обстоятельство, что эти переговоры, предпоследние обмен дочери Болеслава, находящейся в плену у Ярослава, на семью последнего, оставшуюся в Киеве, были поручены киевскому митрополиту (Титмар Мерзебургский

³ В пользу такого толкования этого оборота летописи свидетельствует и признаваемый византийским двором титул Ольги «гигемона и архонтиссы руссов» (там же, стр. 68).

⁴ Новую трактовку условий принятия Русью христианства попытался дать А. Поппе («Заснування митрополії Русі в Києві.—«Український історичний журнал», 1969, № 6, стр. 91—105). Его попытка требует, однако, особого разбора.

⁵ А. Poppe. Państwo a kościół na Rusi XI w. Warszawa, 1968.

⁶ S. Zakrzewski. Bolesław Chrobry Wielki. Lwów—Warszawa—Kraków, 1925, стр. 300—303; А. Ф. Грабский. По поводу польско-византийских отношений в начале XI в.—ВВ, XIV, 1958, стр. 175—184.

⁷ В. Д. Корольков. Западные славяне и Киевская Русь, стр. 255.

всюду называет его архиепископом)⁸. Очевидно, киевский митрополит-грек не был активным сторонником Ярослава. Его посольство в Новгород не дает, правда, оснований считать его и прямым изменником, подобно Анастасу, настоятелю Десятинной церкви⁹. Он не оказался ни в числе преданных Ярославу бояр, вывезенных Болеславом в Польшу¹⁰, ни в числе тех, кто, подобно Анастасу, добровольно перешел на службу к польскому князю. И тем не менее выбор его в качестве посла польского владыки не был, по-видимому, случаен. Тот же Титмар Мерзебургский, описывая вступление Болеслава и Святополка в Киев, отмечает торжественную встречу их киевским митрополитом в монастыре св. Софии, пострадавшем от пожара в предыдущем (1017) году¹¹.

И встреча в св. Софии, и посольство в Новгород, так или иначе связанное с планами политического раздробления Древнерусского государства, не были, конечно, дружественным Ярославу актами со стороны киевского митрополита и доверенного агента Константинополя. Они свидетельствовали об особой позиции, занятой в событиях 1018 г. главой киевского духовенства. Она, очевидно, была более благоприятной Святополку и соответствовала планам Болеслава. А если к этому прибавить еще посольство Болеслава ко двору Василия II, то причин для недовольства Ярослава митрополитом-греком в Киеве окажется более чем достаточно. Измена Анастаса могла только подчеркивать в его глазах опасность позиции митрополита. Из сказанного нет оснований, конечно, приходиться к выводу о целенаправленной политике Византии, делающей ставку на развитие феодальной раздробленности на Руси, тем более что в этом вопросе интересы империи и ее представителя в Киеве не всегда должны были совпадать. Зато события 1018 г. определенно свидетельствуют о том, что с самого начала для Ярослава русско-византийские отношения были очень серьезно омрачены. Именно Ярослав мог думать в согласии с летописцем, что «суть бо греци лстивы». А это ведь отбрасывает и определенный отблеск на события 1043 г. Быть может, открытый конфликт с Византией и не был столь неожиданным для киевского князя.

Возвращаясь к интересному труду В. Т. Пашуто, хотелось бы отметить его одно очень важное наблюдение: церковный раскол 1054 г. вплоть до начала XIII в. существенно не отразился на внешнеполитических связях Древней Руси (стр. 83, 187 и др.), хотя, разумеется, он не мог и благоприятствовать им, затрудняя и нарушая давнее культурное общение Руси с ее западными соседями. Заслуживают внимания и наблюдения автора относительно возможных планов создания особого патриаршества на Руси в конце XII в. (стр. 201).

Впрочем, выделяя интересные и часто новые наблюдения автора, можно было бы еще много страниц посвятить исследованию В. Т. Пашуто. Оно заслуживает самого детального разбора и в той части, которая посвящена истории русско-византийских отношений. К такого рода разбору, конечно, вынужден будет обращаться каждый историк, ставящий своей целью изучение внешнеполитических связей Руси домонгольской эпохи. Именно на это и хотелось бы нам обратить внимание читателя. Книга В. Т. Пашуто, несмотря на все недостатки своей конструкции, является основополагающим трудом для исследования внешней политики Руси X—XIII вв.

В. Д. Королюк.

ДИМИТЪР АНГЕЛОВ. БОГОМИЛСТВОТО В БЪЛГАРИЯ.

София, изд-во «Наука и изкуство», 1969, 561 стр.

Как массовое социально-религиозное движение, возникшее в средневековой Болгарии¹, потрясшее основы ее феодального строя и оказавшее благотворное воздействие на еретические традиции европейских народов, богомилство давно привлекало внимание ученых. Им интересовались историки Ватикана², православной церкви³, протестантизма⁴. Все они, руководствуясь различными соображениями, по-разному

⁸ «Kronika Thietmara». Poznań, 1953, L. VIII, cap. 33.

⁹ ПСРЛ, т. I, стб. 143—144.

¹⁰ Там же.

¹¹ «Archiepiscopus civitatis illius cum reliquiis sanctorum et ceteris ornatibus diversis hos advenientes honoravit in sancto monasterio Sophiae, quod in priori anno miserabiliter casu accidente combustum est». — «Kronika Thietmara», L. VIII, cap. 32.

¹ По этому вопросу см.: В. Левицкий. Богомилство — болгарская ересь, X—XIV вв. — «Христианское учение», 1870; Fr. Rački. Borba južnih slovena za državnu neodvisnost. Bogomili, pataren. Beograd, 1931, p. 337; ср.: Г. Острогорски. Историја Византије. Београд, 1959, стр. 53; ср.: Сима Чирковић. Историја Босне. Београд, 1964, стр. 53.

² Lexikon für Theologie und Kirche, Bd. 2. Freiburg, 1958, S. 557—558.

³ Е. Голубинский. Краткий очерк истории православных церквей болгарской, сербской и румынской, или молдо-валахской. М., 1871, стр. 154—165; ср.: Д. Цухлев. История на българската църква, т. I. София, 1910, стр. 657—756.

⁴ Centuriae Magdeburgenses, t. XI, cap. V, p. 247; C. J. Wolf. Historia Bogomilorum. Wittenberg, 1712; J. L. Oeder. Dissertatio inauguralis prodromus historiae Bogomilorum criticae exhibens. Gottingae, 1734.